

Пранова М.И. 2008. Избирательная кампания как арена социального конфликта. — *Социум и власть*. № 4(20). С. 40-45.

IVANOV Oleg Borisovich, Head of the Center for Social Conflict Resolution (1a Ilyinskoe Highway, Krasnogorsk, Moscow Region, Russia, 143402; collegiamo@gmail.com)

THE USE OF MEDIATION TECHNIQUES IN CONFLICT RESOLUTION DURING ELECTORAL CAMPAIGNS

Abstract. The article is devoted to the prospects of using mediation techniques in resolving electoral conflicts. Mediation, as a relatively new technology for Russian sociopolitical reality, appears to be one of the most promising techniques for resolving such conflicts, since it combines mobility, focus on a positive result, constructiveness and maximum flexibility, allows formulating and taking maximum account of current and rapidly changing interests of the parties in the political process. The article has a clearly expressed practical orientation. Its scientific novelty lies in the attempt to assess the prospects of using mediation techniques directly in the settlement of electoral conflicts. Electoral conflicts themselves are a promising topic of research, since their emergence is inevitable in any political system that provides for at least partially competitive elections. At the same time, due to the specific nature of such conflicts it is impossible to achieve even a partial settlement of them by existing (mostly legal) mechanisms, because such mechanisms are aimed only at assessing the formal circumstances of what is happening, are rather cumbersome and cannot always be applied due to, for example, the limited time available for the election campaign (and especially for the voting). This paper attempts to analyze the potential of mediation in this direction.

Keywords: elections, conflict, mediation, conflict resolution, electoral process, election campaign

ЛАРИОНОВ Алексей Эдиславович — кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России Средних веков и Нового времени Московского государственного областного университета (141014, Россия, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, 24; allar71@yandex.ru)

ВЛАСТЬ И ПАМЯТЬ: СОВЕТСКОЕ ПРОШЛОЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПОСТСОВЕТСКИХ РЕЖИМОВ

Аннотация. Статья посвящена анализу исторической политики властных режимов на постсоветском пространстве. К анализу привлекаются три составляющих публичного мемориального пространства: учебники истории, топонимы в населенных пунктах и памятники. Последовательные действия по изменению образа советской эпохи во всех трех компонентах позволяют говорить об осуществлении масштабной «политики памяти». Новые образы советского прошлого построены на прямых подлогах и фальсификациях исторических фактов. Постоянно тиражируя негативные образы советского прошлого для собственной легитимности, постсоветские политические элиты демонстрируют, вопреки желанию, свою зависимость от советской истории, без которой они не могут обосновать свои властные притязания.

Ключевые слова: советское прошлое, постсоветские политические режимы, политика памяти, образы прошлого, социальная память, места памяти

Роскошь пребывать вне истории могли позволить себе народы до эпохи Модерна, не имевшие собственной государственности. Историография

и, шире, историческое сознание (как модус социальной памяти) суть порождения политической истории. Эпоха Модерна распространила историческое время на весь мир. Возник универсально-монистический по своей сущности темпоральный режим Модерна, в рамках которого нации и политические режимы нуждались в фиксированных образах прошлого и внятных перспективах будущего [Ассман 2017]. Краху СССР предшествовали тектонические сдвиги в сфере исторического сознания: через тотальную критику сталинской эпохи было дезавуировано прошлое; осуществленная на этой основе ревизия и инверсия идеологии уничтожили образ будущего. Настоящее лишилось опоры и чувства правоты в прошлом, утратило цель в будущем, как итог — потеряло смысл и легитимность бытия, окунувшись в безвременье, и крушение его стало неизбежным. Произошел темпоральный суицид советского проекта.

Новым политическим режимам и элитам, проросшим на руинах СССР, для самолегитимации требовалась опора на прошлое. И такая опора отыскивалась в яростно отрицаемой и предаваемой анафеме советской эпохе. В особенности это касалось тех государств-лимитрофов, у которых с древней историей национальной государственности под действующими этнонимами дела обстояли проблематично или, как минимум, неоднозначно: Латвия, Эстония, Туркмения, Украина. Историческая политика получила воплощение в новых учебниках истории (и в новых парадигмах исторической науки вообще), в более или менее тотальной смене топонимов, которые напоминали об СССР, в «войне с памятниками» (быстро-дешево-очевидно-символично).

Рассмотрим для примера изменение вектора оценок в отношении Великой Отечественной войны в учебниках на постсоветском пространстве. Украинская модель репрезентации событий 1941–1945 гг. есть пример исторического ревизионизма в наиболее чистой форме. По обобщенному наблюдению В.Э. Багдасаряна применительно к одному из ранних учебников по новейшей истории Украины, «общая негативизация исторического образа России переходит в ее инфернализацию в применении к советскому периоду истории... Наименование “Великая Отечественная война” вообще отсутствует, будучи заменена понятием “советско-нацистской” войны. Из семи отводимых на нее страниц учебника три посвящены гибели в Бабьем Яру члена ОУН Елены Телиги, две — боевому пути УПА, и только два — прочим событиям и оценочной интерпретации» [Багдасарян 2018: 73–74]. Добавим, что в изложении авторов этого учебника истории советская власть предстает едва ли не большим врагом Украины, чем нацистская Германия. И применительно к событиям Великой Отечественной войны этот негативный смысл достигает своего апогея. Итак, вырисовывается образ советской эпохи как врага национальной государственности и культуры Украины.

Недалеко от Украины в отношении к Великой Отечественной войне и к СССР стоит Латвия. «СССР определяется как главная угроза независимости Латвии. События 1939–1941 гг. оцениваются как однозначная советская агрессия, приведшая к установлению в странах Балтии оккупационного режима» [Багдасарян 2018: 77–78]. Соответственно, те латыши, которые сражались на стороне нацистской Германии, пополнив ряды «фашистского интернационала», из военных преступников и пособников агрессора превращаются в героев национально-освободительной борьбы. Иными словами, под маркером борьбы против СССР оказывается возможным оправдать даже те преступления, которые не имеют срока давности и оправдания согласно международному праву.

Как позицию сдержанного ревизионизма можно охарактеризовать взгляд на советскую эпоху в Туркмении, сформулированный Сапармуратом

Ниязовым в книге «Рухнама»: «Вспомним себя недавних. Я жил в советскую эпоху, я смолоду во всем замечал упадок, духовную опустошенность, неверие в справедливость. Я чувствовал, видел, как, лишенный способности осмысливать свою жизнь, туркмен укреплялся во мнении, что правда на стороне сильного» [Ниязов 2002: 15]. Советской эпохе инкриминированы автором такие прегрешения против туркмен, как упадок, духовная опустошенность, лишение возможности осмыслить свою жизнь и неверие в справедливость. Создание негативного образа советской эпохи было необходимой точкой опоры для придания себе имиджа хранителя национальных устоев и поборника национального возрождения Туркмении. Без выпадов в сторону СССР легитимировать построение феодально-олигархического государства было попросту невозможно.

Важным вектором политики памяти стала кампания по смене названий населенных пунктов. Многие улицы, площади, организации носили имена видных деятелей советской эпохи, событий ее истории, являлись не просто зримым ежедневным напоминанием о недавнем прошлом, но и напоминанием с положительной коннотацией. В рамках нового дискурса терпеть такое было нельзя. Отсюда иррациональное с точки зрения здравого смысла и экономической целесообразности стремление переименовать максимальное число локаций социокультурного пространства. Единство этого процесса в республиках бывшего СССР отмечается исследователями в качестве универсальной тенденции и увязывается не только со сменой идеологии, но и с русофобскими по сути настроениями постсоветских властных элит: «новый этап в развитии страны может нести с собой и новые названия. Одним из важнейших этапов для последующей истории Украины стал распад СССР.

Происходившие в связи с этим на волне дерусификации переименования населенных пунктов были характерны и для других бывших советских республик, прежде всего Прибалтийских, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Киргизии, Таджикистана и даже Белоруссии» [Лексиан, Тесленок 2019]. Обратной стороной данного процесса явилось присвоение новых имен, которые были призваны символизировать новые ориентиры идентичности и служить выражением смены системы ценностей. Иногда это стремление приобретает патологический характер. Апофеозом антисоветской и антирусской политики стало присвоение имен нацистских пособников Степана Бандеры и Романа Шухевича проспектам Московскому и Ватутина в 2016 г. на волне вакханалии «декоммунизации»¹. Хотя через три года данное решение Киевской рады было отменено по суду, но сам факт весьма показательен. Здесь наблюдается не просто желание изменить оценки определенных событий на противоположные, но вообще вычеркнуть из социальной памяти целую эпоху.

Тренд смены географических названий оказался неразрывно связанным с другим аспектом политики памяти — изменением монументальных маркеров мемориального пространства. На всем пространстве бывшего СССР мы можем наблюдать попытки смены зримых мемориальных символов. Пример здесь подала Россия, свергнув с постамента Ф.Э. Дзержинского в центре Москвы и переименовав площадь его имени в Лубянскую. Символичными стало свержение памятников Ленину на Украине, воинам Великой Отечественной войны в Грузии, в Прибалтике. Взамен воздвигались памятники новым националь-

¹ В Киеве появился проспект Бандеры и исчезли улицы Суворова и Кутузова. Доступ: <https://topwar.ru/97735-v-kieve-poyavilsya-prospekt-bandery-i-ischezli-ulicy-surovova-i-kutuzova.html> (проверено 10.11.2021).

ным кумирам. Так, 23 августа 2018 г., в 79-ю годовщину советско-германского Пакта о ненападении, в Эстонии при финансовой поддержке Евросоюза был открыт мемориал «жертвам коммунистического террора». Советская эпоха явственно окрашивается в черные тона, а национальные истории приобретают страдательные черты [Ассман 2018]. Власть явно спекулирует на мотивах страданий. Населенные пункты Крыма изобилуют памятниками и мемориальными досками, посвященными депортации крымских татар в мае 1944 г. Блокируются попытки обсуждения вопроса, за что именно были подвергнуты репрессиям те или иные лица и социальные/национальные группы.

Искажение истории становится средством управления обществом. Россия в этом отношении демонстрирует относительную сдержанность, в т.ч. и на уровне общественного мнения. Эпатажная попытка РВИО установить мемориальную доску союзнику Гитлера Густаву Маннергейму в Петербурге была дезавуирована и отменена благодаря возмущению общественности¹. Зато на Украине мы видим множество бронзовых клонов С. Бандеры, а также памятники ветеранам прибалтийских формирований СС в Латвии, Литве и Эстонии². С одной стороны, мы видим комплекс «народа-жертвы», с другой — апологию пособников нацизма как новых национальных героев. Власть достигает своей легитимности при помощи превращения своих граждан в обиженных и озлобленных субъектов, одержимых жаждой мести прошлому и настоящему в лице «русских оккупантов».

Учебники истории, новые топонимы и ревизия мест памяти [Нора и др. 1999] являются основами политики памяти в постсоветских государствах и вместе составляют единую семиотически-коммуникативную систему. Сконструированный хронотоп носит фрагментированный и виртуальный характер, являясь не столько образом исторического прошлого, сколько отражением того, какое прошлое необходимо постсоветским элитам, чтобы укрепить свое господство. В постсоветских моделях политики памяти можно наблюдать массовое изобретение фактов и явлений, т.е. прямые подлоги и фальсификацию; дирижеры исторической политики на постсоветском пространстве не гнушаются осуществлять тотальную ценностную инверсию, объявляя национальными героями персонажей, которые были адептами абсолютного зла. Манипуляции социальной памятью вышли на качественно новый уровень. Системная ложь о советском прошлом превратилась в важнейший ресурс легитимности власти на постсоветском пространстве. Ставя эксперименты над образами прошлого и коллективной памятью, постсоветские режимы ставят их над самими собой, перебирая варианты ответов на один вопрос: как долго можно удерживать власть в обществе, погруженном в состояние атомизации усилиями правящей элиты?

Данная статья началась с утверждения, что роскошь не иметь истории могут позволить себе только народы на стадии догосударственной архаики. Однако является ли благом выпадение из большой истории для тех народов, которые были в нее однажды включены?! Между тем именно к такой перспективе исторического безвременья ведет та историческая политика, которую упорно реализуют постсоветские политические элиты. В конечном итоге, это приведет к окончательной утрате как политической, так и исторической субъект-

¹ Звягинцев М. В Петербурге демонтировали памятную доску генералу Маннергейму. Доступ: <https://life.ru/p/916713> (проверено 10.11.2021).

² Кришталь М. Памятники нацистам в Прибалтике, которые ждут кувалды. Доступ: <https://www.rubaltic.ru/article/kultura-i-istoriya/11042019-pamyatniki-natsistam-v-pribaltike-kotorye-zhdut-kuvaldy/> (проверено 10.11.2021).

ности, а сиюминутные выигрыши для власти обернутся тотальным историческим крахом.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №21-09-43023.

Список литературы

Ассман А. 2017. *Распалась связь времен. Взлет и падение темпорального режима модерна*. М.: НЛО. 272 с.

Ассман А. 2018. *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. М.: НЛО. 328 с.

Багдасарян В.Э. 2018. Становление образа исторического врага в школьных учебниках истории на постсоветском пространстве. — *Преподавание военной истории в России и за рубежом: сборник статей* (под ред. К.А. Пахалюка). М.; СПб: Нестор-История. С. 67-86.

Лексиан О.Д., Тесленок С.А. 2019. Создание базы данных ГИС переименованных на Украине русскоязычных топонимов. — *Огарев-Online*. № 19(136).

Ниязов С. 2002. *Рухнама*. Туркменская государственная издательская служба. 62 с.

Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винор М. 1999. Проблематика мест памяти. — *Франция-память*. СПб: Изд-во СПбГУ. С. 17-50.

LARIONOV Aleksei Edislavovich, *Cand.Sci. (Hist.)*, Associate Professor; Associate Professor of the Chair of Russia's History of Middle Ages and Modern History, Moscow Region State University (24 Very Voloshinoy St, Mytishchi, Moscow Region, Russia, 141014; allar71@yandex.ru)

POWER AND MEMORY: SOVIET PAST IN THE HISTORICAL POLITICS OF THE POST-SOVIET REGIMES

Abstract. *The article analyzes the historical policy of power regimes in the post-Soviet space. The author analyzes three components of the public memorial space: history textbooks, toponyms in settlements and monuments. Consistent actions to change the image of the Soviet era in all three components allow us to talk about the implementation of a large-scale «memory policy», which serves as an important means of justifying legitimacy for all post-Soviet regimes without exception. At the same time, the new images of the Soviet past are created on direct forgeries and falsifications of historical facts. The post-Soviet regimes, solving momentary political problems, plunge the population of their countries into a state of anomaly and destroy the prospects for their participation as subjects of «big history», thus preparing the grounds for their own political and historical collapse. By constantly replicating negative images of the Soviet past for their own legitimacy, the post-Soviet political elites demonstrate, contrary to their wishes, their dependence on Soviet history, without which they cannot justify their power claims.*

Keywords: *Soviet past, post-Soviet political regimes, memory policy, images of the past, social memory, places of memory*
